

Книги Владимира Корна
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ

АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА

АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА

АРТУА. БЕРЕГ СКАРДАРА

АРТУА. ДВОРЕЦ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

ДАРИУС ДОРВАН. НАЕМНИК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН
ДАРИУС ДОРВАН.
НАЕМНИК

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 864

Художник
В. Федоров

Корн В.
К67 Дариус Дорван. Наемник: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 314 с.:
ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1586-1

Казалось бы, на этот раз контракт очень легкий: передать послание из одного королевства в другое, миновав по пути третье. И оплата вполне пристойная. Вот только не лежит к нему душа у Дариуса Дорвана, горнорта котерии наемников. Но и отказаться возможности нет. А значит — в путь! И не оставь своим вниманием суровый бог воинов Марох и прекрасная богиня удачи Лиона: как выясняется, вся надежда только на вас!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1586-1

© Владимир Корн, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГЛАВА 1

Солнце палило нещадно, и небольшой городок Табалорн, расположенный в половине дня пути от столицы королевства Фаронг Батингоса, казалось, плавился под его лучами.

«Немудрено — разгар лета, время, когда трава и листья деревьев стремительно теряют изумрудный цвет. Такой зелени не будет уже до следующей весны, — размышлял Дариус. — Скоро начнется сенокос, и матушка Грейсиль будет очень недовольна, что мне приходится уезжать именно сейчас».

Сколько Дариус себя помнил, он всегда называл Грейсиль матушкой, хотя по возрасту она ему больше в бабушки годилась.

Путь лежал мимо лавки Медиса, самой большой в Табалорне, и Дариус непроизвольно замедлил шаги. Нет, за огромным стеклом витрины, через которое были видны всевозможные товары, его ничего не привлекало. Хозяин лавки, Медис, никогда не рассказывал, где ему удалось раздобыть такой огромный лист стекла, ведь для того чтобы вставить его, лавочнику пришлось сделать одно из окон чуть ли не в четыре раза больше. В Батингосе-то таких витрин чуть ли не на каждой улице, но в Табалорне она единственная.

Выставленные за стеклом товары прежде всего должны притягивать женские взоры: украшения из меди и серебра с камешками и без, отрезки красивой ткани, зеркала в затейливых рамах...

Мужчины, которым необходимо привлечь внимание понравившейся девушки, выбрать подарок любимой жене

или, к примеру, заглядывать перед ней какую-нибудь вину, тоже могли найти здесь все необходимое. Но Дариуса интересовало другое — в огромном стекле, как в зеркале, виделось его отражение, и очень хотелось посмотреть, как он выглядит со стороны в полный рост.

Дариус попытался придать лицу более мужественное выражение, для чего нахмурил брови и слегка выдвинул нижнюю челюсть вперед. Затем одернул себя и посмотрел по сторонам, стараясь сделать это незаметно: несолидно для человека его положения, тем более спешащего по важным делам, пялиться на себя в стекле.

Мельком свое отражение увидеть ему все же удалось, и Дорван остался вполне доволен. Рост скорее высокий, сложение пусть и не совсем богатырское, но тоже вполне себе ничего. Не так, как несколько лет назад, когда ему едва минуло четырнадцать и он выглядел долговязым мальчишкой, к тому же еще и немного сутулившимся. Тогда Медис только-только вставил это огромное стекло, и каждый норовил прийти к лавке посмотреть на свое отражение. Дариус хорошо помнил жестокое разочарование, увидев себя впервые в полный рост. Почему-то он считал, что выглядит значительно старше и мужественнее, тем более за его спиной имелось уже нечто такое, чему отчаянно завидовали все его друзья. Теперь же все по-другому. Ну а лицо... А что лицо? Глаза не косят, и не рябое.

Правда Миалла, первая красавица Табалорна, смеется над ним не меньше, чем и над остальными парнями, пытающимися ей понравиться. Но, как сказал лучший друг Торинан, ей непременно благородного подавай.

Украдкой вздохнув, Дариус продолжил путь.

Главная улица Табалорна в этот час из-за палящего зноя казалась почти пустынной, и лишь в тени, под полотняным навесом у входа в корчму, сидели несколько мужчин, борющихся с полуденной жарой при помощи холодного пива. Взглянув в их сторону, Дариус сделал вывод, что никто из них на его гримасы перед стеклом витрины внимания не обратил. Но теперь во рту возник вкус холодного, почти ледя-

ного пива, и до ужаса захотелось сделать хотя бы несколько глотков.

Стоит только пересечь улицу, усесться за стол, присоединившись к компании устроившихся под навесом Брунда и Сейла, наполнить деревянную кружку янтарной жидкостью, решительно ополовинить ее, затем снять шляпу и вытереть пот со лба. Но ему необходимо срочно найти недостающих людей.

Мысленно похвалив себя за мужественность, Дариус решительно прибавил шагу. Дел сегодня еще много, и для начала нужно встретиться с Торианом.

Тор жил на окраине Табалорна, в доме почти на самом берегу реки Табы. Еще на подходе Дариусу повстречался Рой, младший брат Тора, вынырнувший из-за густо разросшихся кустов сирени, где, по всей видимости, он прятался, поджидая его. Дариус усмехнулся про себя: намерения его очевидны — мальчишка старался показать, как ловко он умеет маскироваться. Рой, который все время пытался уговорить гонорта взять его в котерию, пока что выглядел очень и очень тощим, но ростом явно пошел в редкостного верзилу старшего брата и почти уже сравнялся с Дорваном.

— Ториан дома? — поинтересовался Дариус.

Паренек с готовностью закивал и, вероятно решившись, выпалил:

— Господин Дорван, мне бы хотелось кое-что вам показать, — и застыл в ожидании.

«Ну что ты можешь мне показать, мальчишка? — подумал Дариус, чувствуя себя при этом умудренным, повидавшим жизнь человеком. От таких мыслей он даже внутренне усмехнулся: намного ли он старше самого Роя? — Когда ты, наконец, поймешь, что дело не в твоих умениях, а в возрасте. Подожди хотя бы годика три-четыре, а уж затем и решим. Зелен ты еще совсем. Хотя сам я в первый раз убил человека именно в четырнадцать. Великий Гитур, бог всех богов, как же давно это произошло! Целых восемь лет назад».

Тогда Сторн в самый первый раз взял его с собой. Контракт обещал быть легким — так, недельная прогулка по не самым опасным местам, народу у Сторна в котерии девять

человек, да и случай удобный представился. И кто же мог тогда знать, что им посчастливится нарваться на самих долузсцев.

Когда они неожиданно столкнулись с пешими противниками, Сторн, схватив Дариуса за ворот, попросту зашвырнул его в кусты, перед тем как ринуться навстречу врагу. Договориться с долузсцами не получилось бы, еще никому и никогда не удавалось разойтись с ними мирно.

Дариус сидел в кустах, и сквозь них плохо было видно происходившее на поляне. Лишь доносились звон металла, яростный рев, крики раненых, да пару раз щелкнула тетива самострелов. Дариус прятался в своем укрытии, стиснув пальцы на рукояти короткого меча и отчетливо понимая, что на поляне ему не место. Ведь там настоящие воины, а одно его присутствие добавит всем проблем, потому что сам он как воин абсолютно ничего собой не представляет. Сторну или кому-нибудь еще придется отвлекаться на его защиту, а это может стоить жизни им самим.

Парень сидел и тихонечко выл, с силой закусив нижнюю губу. Выл, потому что ничем не может помочь, а рядом, всего в нескольких шагах, погибают люди. Те, кого он знал всю жизнь, и каждый из них был ему по-своему дорог.

Неожиданно перед ним возник долузсец, высоченный, с всклокоченной седой бородой и горящими безумием глазами. С земли казалось, что он гигант, головой достающий до макушек деревьев. Но самое страшное заключалось в том, что долузсец уже занес над ним саблю.

До сих пор Дариус не мог понять, как ему удалось ударить первым. Снизу вверх, под полу кожаной кирасы, вместо того чтобы припасть к земле, прижаться к ней и закрыть голову руками в ожидании неминуемой смерти.

Он отчетливо помнил, будто все произошло лишь вчера, как клинок его меча вошел в тело долузсца, преодолевая сопротивление дергающегося врага, вонзаясь с тем характерным звуком, что всегда бывает, когда сталь режет человеческую плоть. Затем на него потоком хлынула очень темная, почти черная кровь. Словно из ниоткуда рядом возник Сторн с перекошенным от ярости лицом, и голова с плеч до-

лузца слетела так быстро, что Дариус успел только моргнуть. Голова слетела с уже мертвого врага, потому что к тому времени, когда подоспел Сторн, клинок Дариуса успел уже достать до сердца долузца. Тогда они победили, потеряв половину своих людей, и им очень повезло с тем, что противников до этого кто-то уже успел изрядно потрепать и чуть ли не половина из них были ранеными.

Тот долузсец стал первым убитым Дариусом человеком. С тех пор прошло почти восемь лет, счет тех, кого он лишил жизни, вплотную приблизился к дюжине, но именно первого он запомнил навсегда...

— Пойдем, Рой, покажешь, что хотел, — предложил Дариус, понимая, что отвязаться от мальчишки будет трудно. Хотя больше всего ему хотелось выпить чего-нибудь холоденького, давненько не бывало такой жарыщи.

Идти пришлось недолго, к берегу протекающей сразу за огородами Табы, которая дала название самому городу. В том месте, куда Рой привел Дариуса, река делала резкий поворот, упираясь в песчаный откос.

Когда Рой извлек из тайника под плоским камнем лук с несколькими стрелами, Дариус не очень удивился — чего-то подобного он и ожидал. Вероятно, паренек решил устроить представление. Дариус в ожидании сложил руки на груди.

Перед самым откосом виднелся врытый в землю деревянный столбик высотой в человеческий рост. Не слишком толстый — при желании его можно обхватить большими и указательными пальцами обеих рук.

Расстояние до него оказалось приличным, так что сам Дорван даже не стал бы пытаться в него попасть. Рой зажал две стрелы в зубах и встал к мишени спиной, посмотрев на Дариуса, так что тому только и оставалось кивнуть: начинай. Все три стрелы имели стальные наконечники трехгранной формы, именно такие применяются против воинов, облаченных в доспех.

«Вероятно, стрелы он у Ториана спер, — решил Дариус. — Попадет же ему, когда брат обнаружит пропажу».

За то время, что Рой поворачивался лицом к мишени, он успел наложить стрелу на тетиву и даже натянуть лук. Тут же

последовал выстрел, после чего тетива щелкнула еще дважды. Все три стрелы вонзились в столбик на уровне головы.

«Чего уж тут говорить... Впечатляет, особенно скорость», — подумал Дорван, стараясь оставаться невозмутимым.

Рой смотрел на Дариуса, всем своим видом показывая: «Да, я еще очень молод, мои плечи не такой ширины, как у брата, но часто ли ты видел подобное? И разве это не повод взять меня к себе? В конце концов, я ведь могу и издалека помочь при необходимости».

Вместе они подошли к мишени. Наконечники вонзились в столбик глубоко, и теперь, для того чтобы извлечь их,ковыряться придется долго. Стрелы легли кучно, зазор между ними был пальца в два, не больше.

Ториан так не может, Дариус это знал точно, но старшему брату Роя не суждено стать хорошим лучником.

«Правда, при его силе, Тору проще запустить на расстояние полета стрелы камнем», — усмехнулся Дариус. Ториану он об этом уже говорил.

Одну из стрел Дорван выковырял при помощи ножа, но большего и не требовалось. Вернувшись на исходную позицию, Дариус взял лук из рук Роя. Тот попытался объяснить ему какие-то особенности стрельбы из него, считая, что Дорван хочет выстрелить сам. Но он задумал другое.

— Возьми этот камень. — Дариус указал на приличного размера валун.

Камень для мальчишки оказался тяжеловат, так что Рою пришлось прижать его к груди, да еще и слегка наклониться вперед.

— Теперь как можно быстрее добеги до столбика и так же бегом возвращайся ко мне.

Рой начал забег шустро, почти не склоняясь под тяжестью. На повороте вокруг столбика его занесло, и он с трудом удержал равновесие. К Дариусу мальчишка подбегал уже на заплетающихся ногах, шумно дыша, и его заметно пошатывало из стороны в сторону. Он бросил камень прямо под ноги Дорвану, затем согнулся почти пополам, с трудом переводя дух.

— Давай! — потребовал Дариус, протягивая мальчишке лук с единственной стрелой.

Натянуть лук и даже выстрелить Рою удалось. Но на этот раз стрела ушла куда-то ввысь, перелетев через высокий речной берег. Они замерли, боясь услышать вдалеке чей-либо вскрик, ведь на другой стороне тоже находились огороды. Маловероятно, что кто-нибудь на них сейчас работает в такую-то жару, и все же. После пары томительных минут оба облегченно выдохнули.

«Вот так-то, парень. Надеюсь, ты и сам все понял», — взглянул Дариус на все еще жадно хватающего ртом воздух Роя.

Он хлопнул мальчишку по плечу и направился к дому, где и жила Грильда Чаувер с двумя сыновьями — Торианом и Роем.

Грильда что-то готовила на открытом очаге.

— Здравствуйте, госпожа Чаувер, — степенно поприветствовал Дорван хозяйку, склонив голову в легком поклоне. — Ториан дома?

Женщина на миг отвлеклась от исходящего паром небольшого котла.

— Проходи-проходи, Дариус. Тор только что вернулся, — кивнула она.

Грильду парень знал с самого раннего детства, но в своем нынешнем положении ему приходилось вести себя именно так, важно и чинно. Ведь он уже не Дар, лучший друг ее сына, а гонорт, имеющий свою котерию. Правда, сейчас в его котерии помимо него всего лишь три человека, да еще Ториан, к которому сейчас и пришел.

— Как ты? — без обиняков спросил у Тора Дариус, едва они уселись за стол.

Друг ответить не успел, вошла Грильда и поставила между ними запотевший глиняный горшок с двумя кружками.

Женщина, перед тем как выйти из дома, застыла на миг, залюбовавшись сыном. Вон какой вымахал, что в рост, что вширь, плечами чуть ли не на полстола. Да и Дариус весь такой солидный, за версту понятно, что не простой воин, а го-

норт. Давно ли она хворостиной их обоих по саду гоняла, чтобы на орешину не лазили, ветки не ломали.

— Да нормально, брат.

Как бы в подтверждение своих слов Ториан встал из-за стола и затанцевал, высоко задирая колени и аккомпанируя себе хлопками в ладоши. Уж что-что, а танцевать, несмотря на свою поистине богатырскую статью, Тор любил и умел. Но Дорван не на вечерние танцульки его позвать собирался. Дело предстоит серьезное, и на этот раз нужно будет идти пешком, идти далеко и долго. А Ториан получил ранение в ногу еще весной, причем получил случайно и глупо. Верхом он на полном скаку неудачно налетел на сухой сучок, торчащий из дерева на уровне бедра. Сучок обломался в ране, благо, что в котерии Дариуса имеется свой лекарь, сверд Бист.

Бист, как и все сверды, высокого роста, у него крючкова-тый нос и темная кожа. В Табалорне он объявился относительно недавно и о своем прошлом не распространялся никогда. К Дариусу обратился сам, предложив услуги воина и лекаря. Навыками лекаря должен обладать каждый воин, сам образ жизни к тому предрасполагает, а вот получить хорошего воина, тем более за такую плату, что запросил Бист... Это стало бы удачей. Тогда Дорван и предложил Бисту сразиться с Торианом.

Их поединок произошел на речном берегу, как раз в том месте, где Рой показывал свое искусство лучника. Тогда и выяснилось, что саблей Бист владеет отменно. Клинок у его сабли с легким изгибом и расширением на конце, но Дариус знал, что для свердов, чьи земли где-то далеко на юге, это обычное дело. В Фаронге же пользуются в основном прямыми клинками разнообразной длины, хотя у самого Дариуса сабля, и тоже с изгибом.

В общем, в схватке с Торианом Бист произвел на Дорвана самое хорошее впечатление — владеть длинным клинком он умел очень неплохо, если не сказать мастерски. И хотя оба воина действовали осторожно, пытаясь больше выяснить уровень противника, провоцируя друг друга раскрыть один из секретов, что прибегают на крайний случай, посмотреть было на что.

«Беру, — решил Дариус, наблюдая за тем, как Бист парирует один из коварных выпадов Ториана, когда тот все же решил им воспользоваться. — И если он окажется хотя бы наполовину таким же хорошим лекарем, каким является воином...»

Лекарем Бист оказался замечательным. Дорван и все его люди, затаив дыхание, наблюдали за тем, как Бист соединяет края резаной раны Галугу, соединяет... муравьями, вернее, при помощи муравьиных голов. Наловив больших, размером чуть ли не с мизинец, насекомых, Бист пальцами сжимал Галугу края раны, затем подносил к ней очередного муравья и, дождавшись, когда тот уцепится за нее, отрывал тело от головы. Шов получился не хуже, чем если бы сшить его сухожилиями, к тому же весь лекарский скарб был утерян при переправе через бурную реку с неизвестным названием. А если уж вспомнить еще и о том, что Бист как стрелок едва ли не лучше Галуга, лучника превосходного... В общем, Дариус благодарил Лиону, богиню удачи, за то, что она направила Биста именно к нему...

Рана, полученная Торианом, оказалась тяжелой, а лекарю пришлось немного расширить ее, чтобы извлечь сучок, так что последние пару месяцев парень заметно прихрамывал при ходьбе. Впрочем, танцевать это Тору не мешало, что он и продемонстрировал своему гонорту.

И теперь Дариусу необходимо решить: брать ли друга с собой? Если бы контракт с самого начала не подразумевал долгого пешего путешествия, Дорван ни мгновения бы не сомневался. Но предстоял трудный путь пешком, все необходимые вещи придется нести на себе, и, кроме того, существовала вероятность того, что придется уходить от погони.

Во время пляски, устроенной Торианом, Дариус внимательно смотрел другу в лицо. Если бы гонорт заметил хоть малейший признак, что Тор испытывает неудобства, — все, вопрос был бы сразу решен. Но нет, тот держался отлично. И все же сомнения оставались.

— Ториан, — осторожно начал Дариус, — ты же понимаешь...

— Понимаю, брат, все понимаю. Ты смотришь на меня и пытаешься определить: готов ли я? Так вот, если бы я сам чувствовал, что мне не потянуть, думаешь, стал бы я развлекать тебя своими плясками?

Они имели право называть друг друга братьями, поклявшись на крови. Древний воинский ритуал, совершенный друзьями еще в глубоком детстве.

— Тем более ты сам говорил, что на этот раз от контракта дурно пахнет. Не беспокойся, Дар, я не подведу.

Как бы заканчивая эту тему, Ториан наполнил из кувшина обе кружки, поднял свою и сказал:

— Ну, за удачу! Она никогда не бывает лишней...

От контракта действительно пахло не очень хорошо. Казалось бы, ничего сложного: доставить из Табалорна в Фагос послание, и все. Правда, для того чтобы попасть в Фагос, придется пересечь земли, принадлежащие королевству Энзель. Идти по чужим землям всего несколько дней, но все же.

Оба королевства ведут постоянные войны, и пробраться необходимо тайно, почему-то не любят там фаронгцев. Хотя у самого Фаронга поводов не любить соседей значительно больше, ведь именно его постоянно пытаются завоевать, а не наоборот.

Энзель. Отца с матерью Дариус не помнил совсем. И сколько ни пытался, ему никогда не удавалось вызвать в памяти хотя бы их смутные тени. Первое детское воспоминание Дариуса было связано с жаром огня и с руками, спасшими его от этого жара, руками Сторна. Тогда Сторн еще служил в армии Бабурга Стойкого, фаронгского короля. В бою за Люцель, родной город Дариуса, он и получил ранение, после чего закончилась его служба в королевской коннице. В родной дом воин вернулся не один, а с Дариусом на руках, которого так и не смог бросить, после того как спас из пламени пожарища.

Дома Сторна ждала только мать, Грейсиль Дорван — за четырнадцать лет службы Сторн так и не обзавелся семьей. Грейсиль рассказывала, что Дариус долго молчал, и к тому

времени, когда он наконец заговорил, женщина уже твердо уверилась в том, что найденыш немой от рождения.

Дариус видел родной город уже много лет спустя, вернее, не город, а то, что от него осталось после пожарища, устроенного войсками Энзеля. Когда он рассматривал развалины, ничто не дрогнуло в его душе, потому что не было у него связано с Люцелем никаких воспоминаний...

— Пойдем, Тор, прогуляемся к Галугу, — поднялся Дорван из-за стола, когда кувшин с пивом оказался пуст.

Ториан с готовностью вскочил, подхватил с соседней лавки ремень с висящим на нем большим, почти в локоть длиной, кинжалом и уже у дверей напялил шляпу с красивым разноцветным петушиным пером.

Рой, все время крутившийся у входа в дом, проводив их долгим взглядом, тяжело вздохнул. Дариус прав, одного умения метко стрелять мало. Там, куда им предстоит отправиться, многое зависит и от других вещей. Но ничего, в следующий раз он подготовится получше, и уж тогда гонорт не сможет ему отказать.

Домой Дариус вернулся в потемках и, отказавшись от ужина, сразу же лег спать. Перед тем как заснуть, долго ворочался, стараясь в деталях представить предстоящий путь. Получалось плохо, часть дороги известна ему только по рассказам.

Утро следующего дня началось с того, что заявили гости. Обоих гостей — и Бора и его неразлучную тень, Сегура — Дариус знал неплохо. Года два назад у Бора имелась своя котерия, но после неудачной встречи с энзельцами из одиннадцати человек вернулось только двое — сам гонорт и Сегур. С той поры Бор так и не смог набрать людей в котерию. Хотя и связи у него оставались, и контракты ему иной раз предлагались весьма и весьма неплохие, но не шли к нему люди. И не потому, что посчитали: отвернулась, мол, от него Лиона, богиня удачи.

За спиной Бора упорно ходили разговоры, что бросил он своих воинов, когда понял, что от энзельцев всему отряду не уйти. Бор и Сегур, когда разговор заходил о тех событиях, молчали, и свидетелей как будто бы не осталось, но слухи

есть слухи. И люди этим слухам верили, потому что знали, какой Бор человек. Через его котерию прошло множество наемников, не задерживались они из-за характера Бора, из-за его отношения к воинам и еще из-за множества мелочей, на первый взгляд как будто бы и не совсем важных.

Дариус принял гостей, сидя за столом, и лишь указал рукой — садитесь, мол. Первым медленно и с кряхтением уселся Бор с таким видом, будто ему тяжело сгибать ноги. Но Дариус знал: все это напускное, когда потребуется, бывший гонимый может быть очень быстр. Воин он знатный, а вот остальное... За Бором последовал Сегур.

Ну, Сегуру, для того чтобы замедлить свои движения, не следует и напрягаться, все получается само собой. Правда, силы он невероятной, об этом в Табалорне даже шутки ходят. Но когда и где одна сила много значила? Дариус даже усмехнулся про себя. Посидели, помолчали. Особой приязни они друг к другу никогда не испытывали, обсуждать погоду глупо, а Бор пришел с утра пораньше явно не для того, чтобы поговорить о судьбе общих знакомых.

В дом вошла матушка Грейсиль, высокая полная женщина, которую, несмотря на ее возраст, трудно еще назвать старухой. Молча поставила на стол покрытый капельками влаги кувшин, холодный даже на вид, и так же молча вышла во двор. Недолюбливает она Бора и отношения своего к нему не скрывает. Вон, смотрит на него и губы поджимает, а о причинах неприязни ни разу не рассказывала.

Дариус разлил пиво по деревянным кружкам и первым пригубил из своей.

Готовит Грейсиль отлично, иной раз практически из ничего может соорудить превосходный праздничный обед, но пиво ей никогда не удавалось. Может быть, потому что варить его было особенно не для кого. Овдовела она рано, когда Сторн, единственный ее ребенок, еще не слезил с рук. Потом, когда сын подрос и оперился, он начал пропадать на долгие годы, лишь изредка навещая мать. Да и после ранения, когда вернулся с маленьким Дариусом, надолго дома не задерживался. Подлечившись, все еще припадая на ногу и морщась от боли в боку при каждом резком движении,

Сторн пристроился в котерию к старому Михельсу. Тот взял его больше из уважения к отцу, с которым вместе когда-то служил в пикинерах. Затем Сторн оклемался, разве что в сырую погоду его мучили боли от старых ранений, и собрал уже свой отряд. Дела у нового гонорта пошли неплохо, он быстро завоевал среди заказчиков репутацию надежного человека. Но однажды, три года назад, не вернулся с очередного контракта.

— Я слышал, ты взял новый контракт, — полуспрашивая-полуутверждая прервал затянувшееся молчание Бор.

— Да, это так. Послезавтра отправляемся, — не стал отпираться Дорван.

— Еще я слышал, что тебе не хватает людей, — продолжил гость.

На этот раз Дариус лишь кивнул, соглашаясь. Ему действительно не хватало людей, и именно двух человек.

Поразмышляв над предстоящим делом, он решил взять с собой семерых. Пара лишних людей погоды не сделает, а при дележке оплаты получается не слишком серьезная сумма.

«Шесть или семь, больше не стоит, — принял решение Дариус. — Иначе получается работа ради работы, именно так любил говаривать Сторн».

Как выяснилось вчера, в Табалорн удачно вернулся Тацир, парень еще молодой и неопытный, и как воин не очень, но все это — дело наживное, главное, он нравился Дариусу как человек. Дорван уже брал его пару раз с собой, и, хотя дела тогда были не самые сложные — обычное сопровождение торговых караванов, он смог понять: парень без гнильцы в душе. Но даже вместе с Тациром людей все равно не хватало. В любое другое время Дариус при необходимости смог бы спокойно собрать и полтора, и два десятка человек, но только не в середине лета. Ну не собирался он брать контракты до осени. Кто же мог знать, что от нового предложения он не сможет отказаться. Хотя простым предложением это при всем желании назвать трудно.

Бор продолжал выжидательно смотреть на Дариуса.

«Тяжело, видимо, ему просить, — подумал Дорван. — Бор много старше, я для него совсем мальчишка. Видимо, плохи у него дела, если ко мне заявился».

Поднявшись из-за стола, Дариус подошел к распахнутому окну, из которого виднелась большая часть Табалорна.

Как гласили легенды, века полтора назад правящий тогда Фаронгом король Беренард Первый едва не стал жертвой заговорщиков, попытавшихся посадить на трон своего ставленника. Беренард вместе с несколькими верными ему людьми сумел сбежать из дворца, но преследование настигло его в Табалорне. И покоиться бы ему с миром, если бы не местные жители. Они спасли короля и даже пошли с ним в Батингос, сумев помочь Беренарду вернуть власть в свои руки. С тех самых пор Табалорн получил статус города, свободного от налогов, а его мужчины всегда служили в королевской гвардии. По крайней мере те, кто выделялся своей статью. Произошло это давно, да и легенды — они и есть легенды, и верить им можно далеко не всегда, но и все последующие короли Фаронга на свободы Табалорна никогда не покушались.

Городок располагался на оживленном торговом пути, идущем на юг до самого Тоскийского моря. Дорога беспокойная, а местами и совсем опасная, и как-то само собой сложилось так, что именно в Табалорне купцы нанимали людей для охраны караванов. Да и чем еще заниматься бывшим солдатам, отслужившим полтора-два десятка лет в королевской армии, единственным ремеслом которых является воинское искусство?

Вот так и вышло, что ратное дело стало основным занятием мужчин Табалорна. Они служили в войске короля, шли в котерии — отряды наемников, охранявшие купеческие караваны, или нанимались к тем, кому нужны были крепкие люди, знающие, с какого конца держаться за меч или как сбить стрелой всадника на полном скаку. Словом, нуждаешься в таких храбрецах — приезжай в Табалорн, на-

зови разумную плату, и дело сразу же сладится. Потому и готовили сыновей в Табалорне к воинскому делу сызмальства, вручая мальчишкам вместо первой игрушки деревянный меч...

Дариус взглянул на Бора, по-прежнему смотревшего на него с ожиданием.

«Бор с Сегуром не самый плохой вариант, — подумал он. — Те, кто сейчас сидят без дела, еще хуже».

И в конце концов, Бор отлично должен понимать, что горнорт в котерии может быть только один. Ну а если он об этом забудет, Дорван сумеет ему напомнить.

— Отправляемся в Фагос послезавтра, плата — четыре серебряных дуката на человека, идти предстоит пешком. — Дариус на мгновение умолк, достал из кошелька на поясе две тускло сверкнувшие серебром монетки и положил их на стол. — Если согласен, вот задаток.

Говорить много смысла нет: для такого опытного воина, как Бор, информации вполне достаточно — и куда идти, и что взять, и сколько взять, и сколько времени займет дорога. И если сейчас он примет задаток — все, оба они в контракте.

Бор, сгребая со стола монеты широкой, как лопата, ладонью, тоже был краток:

— Согласен.

Мнением Сегура никто особо не интересовался: решение за них обоих всегда принимал Бор.

И Дариусу оставалось только добавить:

— Сбор послезавтра, с рассветом, у башни. Если возникнут вопросы — найдешь.

Бор кивнул.

Ошибиться с местом встречи невозможно, в Табалорне есть лишь одна башня, расположенная на краю города у ведущего на юг торгового пути. Не обнесен город и крепостными стенами, валом, рвом, даже тына нет. А зачем? Разбойникам и в голову не придет заявиться сюда. Ну а случись война — Табалорну против вражеских войск и со стенами не

продержаться: мал он, одно название, что город, и двух тысяч жителей не наберется.

Уже после ухода гостей Дариус сообразил, что забыл поинтересоваться, откуда Бор узнал о его нужде в людях.

«Вероятно, Тацира встретил, — решил он. — Языкастый малый, и именно ему вчера поручили наведаться в обе табарлонские корчмы и объявить, что мне недостает двух человек. Но в любом случае дело сделано, и, если с подобным предложением придет кто-нибудь еще, я просто-напросто ему откажу».

Сразу же после того как за Бором с Сегуром захлопнулась дверь, Дариус занялся приготовлениями к походу. Время терпело, но Сторн всегда наставлял, что хорошая подготовка — половина удачного дела. Тем более поход предстоит пеший. Это означало, что все придется нести на себе и пять раз стоит подумать, чего и сколько взять.

Прежде всего Дорван занялся выбором оружия.

Лук. Тут он даже не раздумывал — надо брать. Короткий клееный трехслойный лук: посередине кость и с обеих сторон деревянные накладки. В последние несколько лет его верный спутник.

Старый Чаверс, изготовивший лук по заказу Дариуса, учел все его пожелания. А пожелания в основном заключались в том, чтобы максимально облегчить оружие и сократить размеры, не слишком теряя в силе боя. Дариус не мог похвастать особым мастерством в обращении с луком: сорок — пятьдесят шагов — вот его дистанция. С этого расстояния он уверенно кладет стрелу в голову противника или под левую лопатку зверя. Правда, по неподвижной мишени.

Имелось в доме и еще два лука, и оба они принадлежали Сторну. Один из них, высотой чуть ли не в человеческий рост, тяжелый и очень тугой. Но и задача у него особая: достать врага, облаченного в латы. Этому оружию самое место на крепостной стене. Или в ряду таких же луков, устремляющих в небо стрелы, которые, разогнавшись с высоты, будут поражать ряды латной вражеской пехоты или закованную в доспехи рыцарскую конницу.

Ну и еще один, имевший собственное имя Джерад — лук самого Сторна, очень похожий на лук Дариуса, — рассказывавая Чаверсу о том, каким видит свое будущее оружие, Дорван и держал в уме образ Джерада.

Гонорт привычно согнул лук, уперев рогом в пол и, навалившись всем телом, накиннул тетиву. Затем резко, значительно резче, чем требовалось, пару раз рванул тетиву на себя, заставляя лук гневно скрипеть.

«Потерпи, друг, мне очень не хочется, чтобы ты подвел в тот момент, когда от тебя будет зависеть моя жизнь», — успокаивал его Дариус, внимательно разглядывая оружие после учиненного издевательства.

Лук выдержал, и слои нигде не разошлись, и пошедшие на обмотку сухожилия тоже были в порядке. Так, теперь стрелы.

«Дюжина, — решил Дариус. — Мне хватит и дюжины стрел. Отправься мы на лошадях — и лишний тул не стал бы помехой, а так... Шесть стрел с трехгранными наконечниками и столько же охотничьих, с широкими листовидными. Они отлично подойдут и для охоты, и против бездоспешных воинов».

Подумав, Дариус сунул в тул еще три бронебойные стрелы, затем таким же решительным движением вынул их обратно, отложив колчан в сторону, — со стрелами тоже все. Теперь засапожный нож, куда ж без него. Проведя ножом по коже предплечья, дунул на лезвие, убирая срезанные волоски. Острый, править не надо.

Кстати! И Дариус снова взял в руки колчан. С внутренней стороны пришиты ножны со вставленным в них метательным ножом. Удобно — пошлешь руку за спину будто бы за очередной стрелой, опустишь ее чуть ниже — и вот она, рукоять. Однажды самому ему чуть не пришлось расстаться с жизнью (палец Дариуса помимо желания прошелся по небольшому шраму на шее), когда он посчитал, что противнику не хватит времени на то, чтобы пустить в него стрелу. Но, как оказалось, рука врага метнулась совсем не к висевшему за спиной колчану. Как ему тогда удалось уклониться от но-

жа, он до сих пор понять не мог. Не иначе как сам покровитель воинов Марох помог, подтолкнув в плечо.

Лезвие метательного ножа в три пальца шириной имело двухстороннюю заточку. Рукоять небольшая, как раз по ширине ладони, обмотана в два слоя толстой нитью. Дариус взялся за рукоять, отвел руку за спину, примериваясь к броску, и тут же отказался от своего намерения. Грейсиль обязательно увидит новую отметину от вонзившегося ножа. Она ничего не скажет, но посмотрит очень выразительно и покачает головой.

А вот подправить лезвие у этого ножа следовало бы. Так, сначала добиться, чтобы на режущей кромке с обеих сторон не было заусенцев, затем пройтись мелким оселком. Металл, из которого сделан метательный нож, мягкий, но зато и затачивать легко. Достигнув на режущей кромке черной полоски, такой тонкой, что даже свет на ней не отражается, Дариус несколько раз провел по лезвию тканью, слегка пропитанной маслом, после чего вставил оружие обратно в ножны.

Скрипнула дверь, пропуская матушку Грейсиль. Женщина прошла к полке, заставленной парадной посудой, что-то там поправила, звякнув кувшином о глубокую чашу с незатейливым орнаментом, затем поинтересовалась:

— Скажи, Дариус, а отказаться ты не мог?

Не годится это — женщинам лезть в дела мужчин, но слишком уж с озабоченным лицом он тогда вернулся, хотя и пытался это скрыть.

— Все будет хорошо, матушка Грейсиль. Да и сколько можно дома сидеть? — попытался отшутиться Дариус. — А сено для Тельды найдем, если сам не успею накосить — куплю. Или Роя попрошу, чтобы накосил.

Грейсиль вздохнула и задала новый вопрос:

— Когда думаешь вернуться?

— К следующему сенокосу точно буду.

Женщина вздохнула еще раз, но промолчала.

«Быстрее бы уж он женился, — хмурилась она, замешивая тесто для лепешек. — Сначала мужа ждала, потом сына, теперь вот Дара ждать приходится. Женится — невестку в

дом приведет, хоть не одной уже. Детишек нарожают, и будет все, как у людей. А то иногда вечерами от одиночества выть хочется. И ждешь, ждешь, ждешь, прислушиваясь к каждому звуку за окном. Так вся жизнь и пройдет в ожидании».

«Смог бы — обязательно отказался, — размышлял Дариус, снимая со стены висевшие на деревянном колышке ножны с саблей. — Но не получилось».

Вынув из ножен блестящее, слегка изогнутое лезвие, горнорт невольно залюбовался. Казалось бы, пора уже привыкнуть, сабля у него уже долгие восемь лет, но каждый раз при виде этого оружия у него перехватывало дух.

Сабля трофейная и досталась ему от первого убитого врага. Тогда, восемь лет назад, после боя с долузсцами, в котором они умудрились победить, люди из котерии Сторна настаивали на том, чтобы сабля была продана, а деньги разделены между всеми — слишком уж дорогим выглядело оружие. Но Сторн убедил их отдать ее Дариусу, особо упирая на то, что тот лично убил долузсца, убил в четырнадцать лет, и это говорит о многом. Став обладателем этого сокровища, Дариус поменял ножны на более скромные — прежние смотрелись слишком дорого, такие впору иметь какому-нибудь барону или даже графу. И еще он заменил рукоять, которая оказалась для него толстовата.

Через пару лет рукоять пришлось поменять снова, подстраивая под подросшую руку владельца. А лезвие конечно же оставалось прежним. С долем, почти доходящим до неширокой елмани, и красивой поверхностью, украшенной вязью. Сторн говорил: клинок изготовлен не долузсцами, они таких делать не умеют.

Сабля была в полном порядке. Еще бы: Дариус всегда тщательно следил за тем, чтобы на лезвии не появилось даже малейшего пятнышка ржи. Несколько раз взмахнув саблей, он с удовольствием послушал свист разрезаемого ею воздуха. Нет, до чего же хороша! А уж как заточку держит! Говорят, таким клинкам в старину давали собственные имена, и слава о них разносилась далеко-далеко. У сабли Дариу-

са тоже имелось имя, сам он его и дал, но никогда не произносил вслух.

Единственный недостаток, если это можно назвать недостатком — длина клинка. Все же он предназначен для конной рубки. Носить саблю на боку, на перевязи, когда идешь пешком, не очень удобно, но и оставить ее дома...

Ничего, не в первый раз. Дариус может пристроить саблю за спиной. Конечно, и в этом случае возникают определенные неудобства, ведь клинок такой длины не выхватишь из-за спины одним движением, а в бою одно потерянное мгновение может стоить жизни.

Но за все всегда нужно платить, так говаривал Сторн.

Кираса. Старая добрая верная кожаная кираса. Взять ее с собой необходимо, хотя и лишний вес. Но не ту, у которой между слоями кожи спрятана тонкая кольчужная сеть. Нет, вот эту, она хоть и из толстенной бычьей кожи, но полегче и покороче, полы едва достигают середины бедер. Правый наплечник заменен сразу по возвращении из прошлого дела, а остальное... Дариус взял кирасу за наплечники, отвел руки перед собой и критически ее осмотрел — все остальное в порядке.

Есть еще глефа с наконечником, похожим на короткую саблю, самое подходящее оружие для пешего путешествия. Но тогда встанет выбор между глефой и саблей, и, понятное дело, победу одержит конечно же сабля. К чему тогда все эти раздумья?

Кинжал на поясе всегда с ним, и он тоже в порядке.

Осмотрев сапоги, Дариус пришел к выводу, что еще один поход они точно протянут. Имеется у него и новая пара сапог, но разношивать их на ходу будет дуростью, можно стереть ноги так, что всем обузой станешь. Становиться же ему обузой нельзя — он гонорт, и люди ему свои жизни доверяют. А потерять авторитет значительно проще, чем заработать его.

Вот, как будто бы точно все, остальное — заботы матушки Грейсиль.

Она напечет лепешек, таких твердых, что проще размочить, чем разгрызть. Положит в дорожный мешок копченую

колбасу, что коптится целых две недели и удивительно долго хранится. Пшена на похлебку, соль, куски застывшего кленового сока. Сладкий кленовый сок хорошо помогает восстанавливать силы после трудного дня. Или в том случае, когда потеряешь много крови от ранения, что может быть лучше сладкой воды? Положит рулоны полотна, истолченный в порошок мох, которым следует засыпать рану, чтобы она не загноилась, перед тем, как наложить на нее повязку, и еще множество необходимых вещей.

И обязательно парочку чудных, запеченных в печи цыплят с золотистой корочкой, завернутых в большую тонкую лепешку. Цыплят, следуя строгим наказам матушки Грейсиль, необходимо съесть на первой же остановке на ночь.

Останется лишь пристроить в дорожный мешок волшебные тетивы для лука, кремни с кресалом да всякие мелочи вроде иголки с ниткой и рыболовной леси с крючками.

Со двора через распахнутое настежь окно донеслись голоса. Это Ториан с Роем, ошибиться сложно. Слышны были густой бас Ториана и ломающийся басок Роя, во всем старшегося походить на своего брата, даже голосом.

Грейсиль беззлобно поругивала Тора. Вероятно, за то, что в прошлый свой визит он, споткнувшись, вдребезги разнес плечом большой глиняный горшок, пристроенный на плетне доньшком вверх.

Да, неплохо они тогда посидели за корчагой доброго меда, выставленной Михельсом по случаю гибели дикого кабана, давнего своего недруга, повадившегося на его огород.

Ториан, кстати, и взял кабана на рогатину.

Дариус встретил новых гостей опять за столом.

Тор уселся за стол и сразу же, без всяких предисловий, начал:

— Ты взял Бора с Сегуром? Зачем?

Примостившийся рядом с ним на лавке Рой в знак согласия с мнением старшего брата закивал головой.

Вообще-то Дариус как гонорт котерии отчитываться не обязан. Это его право — набирать народ, не считаясь ни с чьим мнением. Но Ториан больше, чем друг, он ему брат, пусть и не единоутробный.

— У тебя есть кого предложить получше, Ториан? — вопросом на вопрос ответил Дорван. — У меня нет. Знаешь, в Табалорне вы с матушкой Грейсиль, наверное, больше всех Бора терпеть не можете. Ладно, брат, ничего, не так уж и долго вам вместе быть придется. — И снова повторил те же слова, что и матушке Грейсиль: — Все будет хорошо.

Хотя сам он в это не очень-то и верил.

Солнце едва тронуло первыми лучами белоснежные вершины далеких Баросских гор, окрашивая их в нежный розовый цвет, когда они, все семеро, собрались у сторожевой башни, прозванной в Табалорне Вдовушкой. Наверное, так ее называли потому, что когда-то башен было две. Развалины второй, находящиеся шагах в пятидесяти, виднелись в предрассветных сумерках.

Шестеро человек стояли напротив Дариуса, и он по очереди посмотрел на каждого из них. Первым с правого края был Ториан.

«Удивительно, что для охоты на кабана ему понадобилась рогатина, — с улыбкой подумал гонорт, — мог бы зверя и руками на части разорвать».

Глефа, на поясе кинжал, размерами немногим уступающий мечу. Ториан что-то сказал стоявшему рядом с ним Бисту, и тот сверкнул улыбкой на темном лице.

У Биста, как и у самого Дариуса, над левым плечом виднелся эфес сабли. Ничего удивительного — от него Дорван и перенял этот способ ношения сабли. А вот тул у Биста свисал с левого бока, так он привык.

Следующим стоял огненно-рыжий Тацир, державший в руках длинный топор. Он единственный из людей Дариуса не умел пользоваться луком. Кроме Сегура, конечно, но его Дорван своим и не считал. Впрочем, висел колчан на боку и у Тацира, для Галуга, стоявшего по левую руку от него.

Галуг — лучник отменный. Он если и уступает Бисту в мастерстве, то не намного. Имелся у Галуга и меч с коротким и широким лезвием. Далеко не всегда можно пользоваться луком, в ближнем бою толку от него будет мало. Галуг, с

виду невзрачный, помимо того что отличный стрелок и неплохой мечник, так еще и следопыт каких поискать. Он следы, как собака, носом чует. Всем хорош, только пить ему много нельзя, на себя становится непохож и зачастую дурет. Еще Галуг немного шепелявит от рождения. Иногда, особенно когда выпьет, его даже понять сложно.

Ну и Бор с Сегуром. Бор, вооруженный мечом и луком, как и все в котерии, облачен в кожаную кирасу, поверх которой на груди лежала заплетенная в две длинные косички борода. Сегур опирался на древко глефы, единственный из всех с непокрытой головой. Легкий ветерок трепал его длинные космы, такое впечатление, что ни разу в жизни не чесанные. Все.

Нет, где-то неподалеку обязательно должен прятаться готовый к долгому походу Рой, отчаянно надеющийся, что в последний миг произойдет чудо и его возьмут с собой.

«Нет, парень, только не в этот раз. Потом — да, как представится подходящий случай, ты обязательно пойдешь с нами. Глядишь, и передумаешь связывать с этим ремеслом свою жизнь. Вон и старику Чаверсу помощник нужен. Стар он становится, сам уже жаловался, что не всякий лук, им же и сделанный, может натянуть. Так что ты ему в самый раз придешься, со своей любовью к стрельбе. А там, глядишь, и науку его переймешь».

Дариус еще раз оглядел всех и негромко скомандовал: «Идем».

Затем первым зашагал вслед за уже тронувшимся в путь обозом из двух десятков телег, что будет их попутчиком в ближайшие несколько дней.

ГЛАВА 2

«Тот, в кустах, должен быть последним. — Дариус, прижавшись спиной к стволу огромного, в два обхвата кедра, тщательно оттирал клинок от крови лоскутом, оторванным от полотняной рубахи лежавшего под ногами только что убитого им человека. — Всего было девять душ, и восемь из

них точно на небесах. Или, наоборот, глубоко под землей — тогда они стали слугами бога смерти Вариса».

Такого с Дорваном никогда еще не было. Прошло всего несколько дней, как они вступили в Балинуйский лес, а это уже третья стычка, и ни одной невозможно было избежать.

Первая произошла чуть ли не сразу после того, как они вошли в лес, расставшись с попутным торговым караваном. Торговый путь поворачивал на запад, их же дорога лежала строго на север — так они значительно сокращали время. Дело шло к полудню, и Дариус все чаще поглядывал на солнце, собираясь объявить привал, когда из кустарника, росшего на опушке леса, показалось с десятков разбойников. Выглядели они как крестьяне, взявшиеся за оружие, но то, что это именно разбойники, сомнений быть не могло.

В этих местах частенько случается, что жители затерянных в Балинуйском лесу деревень собираются в вооруженные ватаги и идут к торговому пути грабить проезжающих мимо купцов. Почему-то такое занятие считается у них не душегубством, а своего рода промыслом, как, например, бортничество. С другой стороны, ничего удивительного, все эти лесные поселения и состоят в основном из тех, кому за совершенные грехи назад к людям дороги нет.

«Вероятно, это лишь часть банды, с таким количеством делать на дороге нечего: пять-шесть хороших воинов из охранения каравана разнесут их в клочья. Но миром не разойтись», — сообразил Дариус.

Правая рука привычно потянула из тула стрелу, а левая уже сжимала лук.

Два десятка шагов — самое подходящее расстояние для того, чтобы успеть выпустить стрелу, выхватить саблю и встретить врага с клинком в руке.

Стрела угодила туда, куда он ее и направил: в центр груди ближайшего к нему разбойника, заросшего по самые глаза бородой и обутого в высокие, много выше колен сапоги, явно снятые с убитого всадника.

Сторн, обучая его, не раз повторял, что лучше научиться стрелять быстро, пусть и по недалекой цели, чем поражать бегущего зайца за две сотни шагов, тщательно выбирая мо-

мент для выстрела, рассчитывая дистанцию, скорость бега и силу ветра.

— Быстрая стрельба не раз спасет тебе жизнь, — объяснял Сторн. — Не каждому дано быть хорошим лучником, отличными стрелками и вовсе могут стать единицы, а обучить бить в упор быстро и наверняка можно всех...

Пальцы левой руки разжались, выпуская лук, чтобы потянуться назад, за правое плечо, ухватиться за ножны и дернуть их вперед. Правая рука сжалась на рукояти, резкий рывок в противоположные стороны — и клинок голубоватой стали устремил хищное острие на врага.

Выстрел гонорта был не первым, слева и справа от него тетива щелкнула еще прежде, чем он успел натянуть лук. И смотреть не надо — это Галуг и Бист, ведь кроме него самого лук имеется только у Бора, но тот так быстро выстрелить не сумеет. Вправо можно не смотреть еще и потому, что у сверда лук другой формы в отличие от тех, что используются в Фаронге, с рогами, сильно загнутыми вперед. У его оружия даже скрип отличается, и тетива при стрельбе звучит по-особенному.

Цель Галуга упала со стрелой во лбу, успев по дороге к земле сделать чуть ли не полный оборот вокруг своей оси. Разбойник, в которого попал Бист, хрипел, ухватившись за черенок стрелы, торчавшей у него под подбородком.

Выхватывал саблю Дариус уже на бегу, стремясь покрыть разделяющее их с врагом расстояние как можно быстрее и слыша за спиной топот ног бросившихся вслед за ним его людей.

В левую руку он схватил кинжал, сжав рукоять обратным хватом и прижимая лезвие к предплечью. Щитов в дорогу не брал никто — лишний вес, а лезвием можно блокировать удар или увести его в сторону.

Сторн таким образом спокойно оборонялся от двух-трех противников, вооруженных кто чем. В учебном бою, конечно, но все равно впечатляло.

Дариус выбрал себе целью здорового мужика в заломленной набок, похожей на колпак шапке. Он был самым

ближним и, вероятно, главным среди так некстати повстречавшихся разбойников.

Гонорт с ходу нанес длинный размашистый удар. Он выбрал такую атаку из-за того, что его противник держал поперек себя топор с длинным деревянным топорщиком, которым и попытался прикрыть голову, выставив его перед собой. Расчет оправдался полностью — лезвие легко преодолело деревянную преграду, вонзившись в голову жоака.

Будь в руке любое другое оружие, Дариус бы десять раз подумал, прежде чем поступить именно так. Но на свою саблю он надеялся полностью, и она, как всегда, его не подвела.

Дорван сразу же с потягом ударил влево по обутой в сырмятный постол ноге, целясь в подколенный сгиб. Там жилы, там вены, и самое главное — теперь раненый не сможет закончить атаку. Галуг, воспользовавшись тем, что его противника покачнуло, с силой воткнул обломок меча ему в лицо. И уже затем подхватил с земли оброненный врагом топор с широким и длинным лезвием, о которое он и сломал оружие.

К тому времени бой уже был завершен. Противник Торiana, видя несущегося на него с яростным ревом здоровяка, отшатнулся назад, запнулся, упал, да так на земле и остался.

Бор с Сегуром со своими управились быстро, выбрав такую же пару, как и они сами. Не по комплекции, по манере держаться вместе. Бор, не обращая внимания на зверский оскал и могучий замах своего противника, всадил меч в прикрытую овчинной душегрейкой грудь, не забыв повернуть, когда вытаскивал его из раны. А вооруженный глефой Сегур дважды опустил ее лезвие на голову разбойника чуть ли не вдвое меньше себя, вдребезги разнеся его попытки защититься.

И лишь сверд Бист сблизиться с противником не стал, он издали выпустил пару стрел, и каждая из них нашла свою цель.

Последние двое оставшиеся в живых разбойников попытались спастись бегством, но скрыться среди деревьев сумел лишь один. Другому Сегур метнул вслед глефу, рассчитывая сбить его с ног. Сбить-то он сбил, но разбойник падал уже со

стрелой в затылке. Стрелой Биста — тот всегда красит оперение в ярко-красный цвет.

«Вот что значит случайные люди в котерии, — досадовал Дариус, осматривая место недавнего боя. — Был бы вместо Сегура человек, ходивший с нами хотя бы пару раз, не сбегал бы никто. Тот же Мозел, которого не отпустила молодая жена, или Пронт Красавчик, некстати решивший попробовать себя в торговле и устроившийся помощником в лавку Медиса. У Медиса старшая дочь на выданье, так что устремления Пронта понятны».

Все произошло так быстро, что Тацир едва успел выхватить из-за пояса свой длинный топор. Он даже не замахнулся им ни разу, хотя и бросился вперед вместе со всеми.

«Неопытен он еще, — подумал Дариус, глядя на явно смущенного наемника. — И это первый его бой, а в первом бою простительно многое, иногда даже трусость».

Убежавшего татя преследовать не стали, вместо этого выпотрошили разбойничьи мешки с поклажей, вытряхивая содержимое прямо на траву.

Ничего ценного там не оказалось. Да и откуда оно возьмется? Эти люди шли на грабеж, а не возвращались после него. Несколько медных монет, перстень из серебра с мутным красным камешком. Да еще Сегур взял пояс одного из разбойников. Дариус так и не понял, чем он его прельстил.

Ну и Галуг выбрал себе топор взамен сломанного меча. Он критически осмотрел его, щелкнул по лезвию пальцем, хмыкнул, буркнул, но за пояс все же сунул. Неудачный у него вышел удар, хотя и меч был дрянной.

Затем они добрый час бежали в глубь леса, изредка переходя на быстрый шаг. Существовала вероятность встречи с остальными разбойниками: никто не сомневался, что им попалась только часть ватаги. Остановились у подножия невысокой гранитной скалы, каким-то чудом оказавшейся посреди густого соснового бора.

Следовало передохнуть, да и припрятать до лучшей поры то, что они захватили с собой: наконечники двух пик, переделанных из кос, топоры, несколько ножей и кинжалов. Сталь на их изготовление пошла самая паршивая, но не

оставлять же ее, она и такого качества денег стоит. Пусть лежит себе, есть-пить не просит. Мало ли каким боком судьба повернется, глядишь и снова придется побывать в этих местах.

Отдышались, напились воды из бьющего из-под скалы родничка, немного перекусили.

— Силен ты, парень, настолько силен, что даже трогать их не стал, — не по чести такому богатырю связываться со всяким отребьем, — заявил вдруг Бор Тациру, криво ухмыляясь щербатым ртом.

Дариус выразительно посмотрел на Бора, и тот сразу заткнулся, успев, правда, что-то буркнуть себе под нос.

Тацир не трус, Дариус знал это точно. Растерялся немного, это да, с кем не бывает? Убить трудно, особенно в первый раз. Он хорошо помнил свои переживания, когда впервые убил человека. Помнит кровь, залившую его лицо, ее тошнотворный вкус, когда она, хлынув на него сверху, случайно попала ему в рот. Ее липкость, ее запах. Помнит, как дергалась рукоять меча, что достал до сердца долузца.

И еще слова Сторна, успокаивающего его:

— Рано у тебя это случилось, слишком рано. Но ведь и выбора не было. Жизнь, она вся такая — либо ты, либо тебя...

Дальше они шли уже не столько быстро, сколько осторожно. Балинуйский лес огромный, но встретить в нем людей иногда на удивление просто, тут уж как повезет. Недавняя встреча — прямое тому подтверждение. Поговаривают, что, помимо деревень, в лесу есть и серебряные копи, настоящие рудники. Вот и притягиваются сюда самые разные люди — от ищущих вольной жизни крестьян до беглых каторжников.

«Хотя о серебре, наверное, все же врут, — на ходу размышлял Дариус, не забывая поглядывать по сторонам. — Если оно есть, то какой смысл заниматься грабежом купеческих караванов? Легко ведь и без головы остаться».

Следующие два дня ходьбы по густому лесу выдались спокойными, и лишь один раз им попалось сразу пять чело-

веческих скелетов взрослых мужчин. Этих людей убили, определить не сложно.

У одного оказался проломленным череп, другому явно снесли голову, третьему в бок пришелся удар такой силы, что даже Бор покачал головой, столько ребер было повреждено. Остальные скелеты никаких отметин не имели, но вряд ли эти люди умерли просто так, за компанию, вскрыв себе вены.

Во главе отряда, за проводника, все время шел Бор, единственный из всех, кто забирался в Балинуйский лес так глубоко. С какой целью он здесь побывал, наемник не рассказывал, но шел он уверенно, изредка отклоняясь в сторону от направления, что вело на заснеженный пик одной из Баросских гор, виднеющихся далеко впереди. Прямые дороги не всегда самые короткие, в этом за свою жизнь Дариус успел уже убедиться не раз. И действительно, каждый раз они либо проходили краем болота, либо миновали стороной россыпь огромных валунов, где так легко переломать ноги.

На этот раз они расположились на ночь на берегу неширокой речушки с быстрым течением, хотя местность вокруг была довольно ровная. Причем Бор некоторое время вел отряд вниз по течению, пока наконец не остановился и не сказал:

— Здесь.

Место для ночлега и впрямь оказалось удачным: высокий каменистый берег на самом верху образовывал козырек, защищая от возможного дождя, с двух сторон густо разросся колючий кустарник, а сама река значительно раздавалась в ширину.

Все оживились, скинули обувь, чтобы потоптаться горячими от ходьбы ступнями по прохладной траве, кое-кто даже разделся до пояса, но оружие каждый держал при себе.

Сложенный из камней очаг был полон давно остывшей золы.

«Что же он здесь делал такого, о чем не хочет рассказывать?» — подумал Дариус, наблюдая за тем, как Бор извлекает спрятанные между камнями потемневшие от времени деревянные рогатки с перекладиной под котелок.

Еще днем Галуг подстрелил молодую лань, разделанную ими на части едва ли не на ходу, так что наемникам впервые после того как они отделились от каравана, довелось отведать горячей похлебки. Ужин удался на славу. Хотя возможно, все дело в том, что еда была горячей и ее вдоволь хватило на всех. На отсутствие аппетита тоже никто пожаловаться не мог.

На следующий день на них напали снова.

Случилось это, когда они переправлялись через реку. Брод оказался мелким, не выше колена, дно каменистым, а течение реки в этом месте сильно замедляло свой бег. Лес на противоположном берегу стоял сплошной стеной, но в месте переправы отступал от воды на несколько десятков шагов, образуя лужок, сплошь заросший желтыми невзрачными цветками на высоких тонких стеблях.

Шедшие впереди Бор с Сегуром уже успели переправиться на противоположный берег, когда из леса на поляну, где отряд останавливался на ночлег, выскочили люди, много людей, несколько десятков. Они не походили ни на разбойников, ни на крестьян, ни на стражников, они вообще не походили ни на кого. Худые, одетые в серые рваные рубища, с грязными сальными космами, они держали в руках оружие, а глаза у них горели безумием.

— Лидхи! — Вопль Тацира заставил всех вздрогнуть. Так называли восставших из могил мертвецов. Но ведь они существуют только в страшилках, которыми дети пугают друг друга зимними длинными вечерами, — мертвецы, питающиеся плотью живых людей.

И сейчас Дариус в них верил. Он почувствовал, как задрожали руки. Затем послышался знакомый скрип, тенькнула тетива, и лидх, идущий впереди всех, завалился на землю со стрелой во лбу.

«Они не лидхи, это живые люди, — подумал Дариус, упирая в выступавший из воды камень один из рогов лука, наваливаясь всем весом и лихорадочно натягивая тетиву. — Мертвеца нельзя убить стрелой, не освященной в храме Гитура, так говорят легенды».